

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

РЕВЕККА

Николай Гарин-Михайловский
Ревекка

«Public Domain»

1908

Гарин-Михайловский Н. Г.

Ревекка / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain», 1908

«Это было очень давно. По улицам одного большого южного города, амфитеатром спускающегося к синему беспредельному морю, изо дня в день, лето и зиму, бродила странная фигура сумасшедшего...»

© Гарин-Михайловский Н. Г., 1908

© Public Domain, 1908

Содержание

I	6
II	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Николай Гарин-Михайловский

Ревекка

Это было очень давно.

По улицам одного большого южного города, амфитеатром спускающегося к синему беспредельному морю, изо дня в день, лето и зиму, бродила странная фигура сумасшедшего.

Глаза зрителей привыкали к сумасшедшему, к его фантастическому костюму, и никто больше не интересовался, откуда и кто он.

Однажды в рождественскую ночь нашли его замёрзшим у подножья одного из оригинальных полуразрушенных памятников заброшенного кладбища.

Оригинальность памятника чувствовалась уже издали. В нём была устроена Эолова арфа, которая, при малейшем дуновении ветра, издавала, в зависимости от силы ветра, то лёгкий, слабый, дрожащий не то стон, не то жалобу, или мольбу, то даже безумные вопли растерзанной души.

Самый памятник состоял из высокой пирамиды, наверху которой в синем небе нежно вырисовывалось чудное изваяние из каррарского мрамора женской фигуры.

В застывшей позе тоски и сомнения, с наклонённой головой, изваяние, казалось, всматривалось или искало что-то потерянное там на земле.

Короткая надпись: «Я разбил её счастье», пустота и безмолвие заброшенного кладбища, – всё вместе тоскливо останавливало в этом преддверии вечности взгляд редкого посетителя, в бесполезном усилии проникнуть в потерявшуюся тайну этого конца какой-то тяжёлой драмы жизни.

I

Не надо было больше старому Бену его толстых книг, высокой конторки, всех тех людей, которые столько лет ходили и, казалось, не могли жить без него.

В пустых без него комнатах сразу воцарился беспорядок, и большие внушительные книги его счетов никому больше не были нужны. Старые черепаховые очки лежали на конторке и напрасно своими запylёнными стёклами уныло смотрели на дверь, откуда появлялась, бывало, маленькая чистая фигура в своём национальном костюме старого Бена.

Он уже прошёл последний раз в свою спальню.

На большой, розового дерева, кровати он лежал в широкой белой рубашке; пожелтевшая старая борода тихо шевелилась на костлявой высохшей груди; глаза ввалились и не смотрели больше в книгу; неподвижный взгляд был обращён вверх и, казалось, пронизывал и рвался из тленных рамок земной обстановки.

Ревекка смотрела на своего дедушку сквозь слабый сумрак пробивающегося дня и тоскливо думала. С ним лежало и отходило куда-то в вечность всё её детство, все 16 лет прожитых нераздельно со старым дедом, с его лёгкими шагами, его конторкой, очками и толстыми книгами были связаны все её воспоминания, все мелочи жизни. Теперь эти мелочи живо вставляли и больно сжимали сердце своей отлетевшей прелестью. Он любил её всегда, даже в минуты, когда сердился на свою упрямую, горячую внучку.

Старый Бен отвёл глаза и смотрел на Ревекку. Казалось, впервые свободный навсегда от поглотивших всю его жизнь занятий, он замечал нежную прелесть и красоту своей заплаканной, расстроенной любимицы.

Старый Бен тихо заговорил:

– Люди, Ревекка, думают только перед смертью, и когда они думают, тогда понимают и говорят себе, что жили не так, как надо жить людям...

Он на мгновение закрыл глаза:

– Тогда они вспоминают закон Бога, которого никто не хочет исполнять...

Старый Бен тяжело вздохнул.

– В тебе кровь нашего рода. Ты мне напоминаешь мою молодость, то время, когда я был женихом твоей бабки, а моей двоюродной сестры. Я люблю тебя и тебе оставляю все мои богатства. Бог тебе дал, сверх того, красоту, ум, голос, от которого ангелы плачут на небе. Когда я умру... не плачь, Ревекка, – я много жил, много видел неправды, я устал и рад буду уйти туда, где отец мой Иегова... Там ждёт меня не последнее место, Ревекка... Наш царственный род от колена Давида...

Ты одна из тех, кто подарит миру Мессию. Твоя сестра не подарит... Когда я умру, приходи на могилу и пой мне свои песни, чтобы я знал, что не забываешь ты своего старого деда. Пой, чтоб мог я позвать весь свой род и показать им тебя... Ревекка, ты не посрамила род, и не жаль мне оставить тебе всё моё богатство. Господь наградит тебя больше, и прославится род твой в род. Ты одна осталась на земле от всего нашего рода. Не говори о сестре твоей! Пусть красота её ядом иссушит проклятого гоя! Пусть он проклятый изменит ей и раздавит ей жизнь, как изменила она своей вере, своим предкам, своим братьям, которых бросила, когда Господь отвернул от них лицо своё... О, нет казни той, которою не накажет Он её за это! Нет, Ревекка, не плачь! Не стоит она твоих слёз. Не смотри и на мои слёзы... Я простил бы ей все грехи... измену... убийство... Но её грех хуже... я не могу её простить – не в моей это власти: всем изменила... И ты, Ревекка, не смеешь... Слышишь, Ревекка?! Слышишь ты Бога своего? Слышишь народ свой? Слышишь ты стоны его? Видишь ты пытки, костры и мучения... Видишь и слышишь ты наглый их смех, издевательство их над народом... Ревекка?! Кровью пусть сердце твоё...

Старый Бен захлебнулся и упал мёртвый на подушку.

II

Молодой художник Антоний встретил на старом кладбище и страстно полюбил семнадцатилетнюю, хрупкую телом, но сильную духом, нежную Ревекку.

Всё пленяло его в Ревекке: её голос, когда она пела свои песни деду, непринуждённые движения её гибкого стана, синие большие глаза, её страстная речь, густая волна каштановых волос.

Ревекка не знала, что Антоний любит её, и не боялась с ним встреч у могилы своего дедушки, мирно спавшего на старом кладбище, под мраморной плитой с таинственным изображением на ней двух раскрытых ладонями вверх соприкоснувшихся рук.

Антоний говорил ей о своих путешествиях, о прекрасной весне, которая окружала их; говорил о её голосе и о тех голосах, которые слышал.

Молодой воздух был так чист и прозрачен, так нежен был аромат млеющей в ярких лучах тёплого солнца травы; так уютно было среди безмолвных мавзолеев, вечным сном спавших владельцев их; так не мешали они смотреть в чудные глаза Ревекки, – что Антоний и не заметил, как однажды сладко и нежно прозвучало первое слово любви. Вспыхнула Ревекка и вдруг отразила в своих глазах и синее небо, и яркое солнце, и все чары юной весны.

Но она поборола себя сильной волей, потушила огонь, обжёгший её, и тихо, твёрдо покачала головой.

– Нет, нет, – не надо...

– Ревекка, твой язык говорит не то, что говорят твои глаза.

– Мои глаза, – загадочно проговорила она, подымая их на Антония, – написанная на непонятном для тебя языке книга, Антоний.

– Я изучил этот язык, Ревекка, и читаю теперь эту книгу...

– Ты не можешь читать книгу Талмуда...

– Наша вера, вера ваших предков... Христос от вас пришёл, Ревекка.

– Но ты не можешь жениться на мне?

– Могу. Ты примешь веру своих предков.

– Нет.

– Но что же делать, Ревекка, против законов?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.